

DOI 10.15826/izv2.2016.1.005
УДК 821.511.131 Кузубай Герд +
+ 821.161.1-1 + 81'25

И. Е. Васильев

1) *Уральский федеральный университет*
2) *Институт истории и археологии УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

А. В. Камитова

*Удмуртский институт истории, языка
и литературы УрО РАН*
Ижевск, Россия

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРАДИЦИЙ (КУЗУБАЙ ГЕРД И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ)*

В статье рассматривается плодотворное воздействие русской поэзии на творчество Кузубая Герда. Выявлены авторитетные для удмуртского писателя поэтические фигуры (от Пушкина и Измайлова до Брюсова, Маяковского и Есенина), показана их роль в становлении и формировании его творческой индивидуальности, рассмотрены причины обращения к русским текстам и особенности переводческой деятельности Кузубая Герда. Влияние русских литературных источников на поэтическое творчество Кузубая Герда было органичным и становилось естественным средством приобщения к развивающимся формам культурного творчества. Одновременно авторы статьи устанавливают встречное движение художественной мысли Кузубая Герда как переводчика и подмечают его творческую свободу, приводящую к трансформациям исходных текстов. Освоение богатств русской литературы корректировалось особенностями творческой биографии удмуртского автора. Его романтическим порывам в юности соответствовали произведения Максима Горького и Мирры Лохвицкой, а в начале 1920-х гг. — революционные песни и марши. Благодаря работе с текстами революционного содержания Герд постигал основы профессионализма, развивал и обогащал поэтический язык. Разработка актуальной общественно-политической проблематики повлекла

* Статья выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX — первой половины XX века».

за собой учет и изучение опыта ведущих советских поэтов. Обучение в Высшем литературно-художественном институте и жизнь в Москве способствовали приобщению к современной эстетике, выработке стиля, адекватного запросам времени. Восприимчивость к обогащающим творческим воздействиям, опора на показательные образцы и стимулирующие культурные традиции помогли Кузебаю Герду добиться впечатляющих художественных результатов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: традиции; влияние; русская поэзия; удмуртская литература; перевод.

Кузубай Герд (настоящее имя Кузьма Павлович Чайников, 1898–1937) — поэт, литератор, этнограф и фольклорист, лингвист и литературный критик, общественный деятель, культуртрегер. Он по праву считается классиком удмуртской литературы, разработчиком ее путей в XX в. Герд осознавал, что просвещение и рост самосознания удмуртского народа невозможны вне опоры на русскую и мировую классику, вне знакомства с ключевыми текстами, впитавшими богатства многовековой культуры России. На протяжении своего творческого пути, развиваясь как оригинальный писатель, Герд испытал самые разнообразные влияния со стороны русской литературы. Но в случае Герда имело место и встречное движение образной мысли, счастливо обеспечивающее, по А. Н. Веселовскому, результативность влияния: «...Займствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии» [Веселовский, с. 115]. Поэтому стоит согласиться с В. И. Чулковым, подметившим, что «русский литературный и культурный контекст... мыслился Гердом как общий и для удмуртского, и для русского читателя» [Чулков, с. 123]. Этому же исследователю принадлежит мысль о сходстве роли, которую сыграли в своем национальном мире А. С. Пушкин и К. Герд: «К. Герд проделал в удмуртской поэзии работу, если не по масштабу, то функционально близкую пушкинской: он искал точки соприкосновения между национально-художественной традицией и опытом русской (и, отчасти, мировой) литературы. При этом его как художника интересует возможность не вытеснения одного другим, но именно соединения, сопряжения, значимыми в котором становятся не только сами сопрягаемые начала, но и отношения между ними» [Там же, с. 122–123]. Творчество Пушкина увлекало в мир гармонии и красоты, глубоких духовных поисков, поразительных открытий и творческих свершений. Неудивительно поэтому, что Герд снова и снова припадал к живительному источнику и воссоздавал произведения русского гения в переводах и собственных параллельных версиях. Он перевел пушкинские поэмы «Цыгане» и «Полтава», по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке» создал поэму для детей «Гондырьёс» («Медведи»). Особенностью переводческой стратегии Герда было желание адаптировать русские артефакты к удмуртским реалиям, поэтому Герд использовал этнографические детали, исторические факты, местные социокультурные данные и бытовые приметы. Он шел по пути приобщения к ценностям гуманизма и народности, свойственным

русской классике, и это было признаком формирования и развития его само-бытного таланта.

Начинал Кузубай Герд еще до революции с произведений, выполненных в духе романтико-символистских устремлений, сколь патетичных, столь же и абстрактных. В ученические годы его увлек М. Горький с его «Легендой о Марко» (другое название — «Валашская легенда»). В начале XX в. это стихотворение было весьма популярно и даже было положено на музыку композитором А. Спендиаровым. В стихотворении были такие строки:

А вы на земле проживёте,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

[Горький, с. 291]

Припоминая их, Герд позднее писал: «Глубоко в сердце проникли мне эти строки. Вслед за ними я стал читать один за другим рассказы писателя: читаю — и не могу остановиться. Передо мной как будто открывалась широкая и светлая дорога: иду по этой дороге, иду и вижу все новые и новые дали... А в сердце огнем горят его слова... Будто раскаленным гвоздем они разбередили мне душу» [цит. по: Шкляев, 1985, с. 4]¹.

В годы учебы в семинарии Герд публикует свои первые творческие опыты, а в 1915 г. осуществляет перевод стихотворения Мирры Лохвицкой². В одной из автобиографий Кузубай Герд вспоминает: «В 1915 году стал издавать ученический журнал “Семинарское Перо” и пробовал писать стихи и рассказы на русском языке. В этом же году сделал попытку впервые перевести на вотский язык стихотворение “Если б счастье мое было вольным орлом”³. С этого времени и началась моя творческая литературная работа на вотском языке и собирательская работа по отношению к вотской народной словесности» [Отчеты и документы...]⁴. Из вышеизложенного следует, что деятельность Кузубая Герда как практикующего переводчика началась с переложения стихотворения русской поэтессы, представительницы Серебряного века. Надо предполагать, что решение поэта воспользоваться для перевода текстом, написанным женщиной, как для удмуртской литературы, так и для Кузубая Герда, в частности, было новаторским и свидетельствовало о смелости начинающего переводчика. В начале XX в. лишь некоторые удмуртские писатели обращались к переложению

¹ Удмуртизированной версию сюжета «Легенды о Марко» представляет стихотворение «Эльбай», опубликованное Кузубаем Гердом в 1924 г. в газете «Гудыри».

² Мария (Мирра) Александровна Лохвицкая (1869–1905) — русская поэтесса, пользовавшаяся известностью на рубеже XIX–XX вв.

³ Следует отметить, что в опубликованной версии перевода Кузубай Герд не сделал ссылку на то, что это переложение стихотворения М. Лохвицкой. В результате такой «игры» некомпетентный читатель воспринимает произведение как собственное творение удмуртского поэта.

⁴ Здесь и далее орфография автора строк сохранена.

«женской» литературы. Нам известно всего два имени: Кузубай Герд и автор, опубликовавший свой перевод под именем Вильмон [см.: Лилина].

Стихотворение М. Лохвицкой «Если б счастье мое было вольным орлом...» в переводе Кузубая Герда под названием «Шуд» («Счастье») было опубликовано в его первом сборнике «Крезьчи» («Гусляр», 1922). Вероятно, выбранное для перевода произведение оказалось близким Кузубаю Герду по духу. Семнадцатилетнего юношу привлекли романтические и свободолюбивые мотивы, мелодичность, созвучность текста русской поэтессы его настроению, фольклорные образы, используемые ею. По верному замечанию З. Богомоловой, отметившей некоторые их этих особенностей, «“Счастье” К. Герда — свободный перевод стихотворения “Если б счастье мое было вольным орлом...”» [Богомолова, с. 335]. Кроме того, стихотворение М. Лохвицкой в гердовском переложении увеличилось в объеме. В результате перестроился содержательный план базового текста. Трудно сказать, насколько осозанным было стремление автора уклониться от основы, но с полной уверенностью можно говорить о том, что в практике Герда-переводчика осмысление перевода как сотворчества началось с этого первого опыта. Отметим в качестве наиболее значимой черты перевода данного стихотворения формирование образа лирического героя, тождественного лирическому персонажу собственного творчества Кузубая Герда, в мировосприятии которого доминирующим является чувство кровной связи с народом. Благодаря этой особенности в переводе внимание сосредоточено на самоотверженности героя, действующего ради человечества, в то время как в оригинале сделан акцент непосредственно на индивидуальном восприятии, переживаниях и намерениях героини:

Куанер калыклэн шудэз
Душес бордын ке луысал <...>
Мон пычалме кутыса
Со душесэз ыбысал <...>⁵

[Герд, 1922, с. 41–42]

Если б счастье мое было вольным орлом,
Если б гордо он в небе парил голубом, —
Натянула б я лук свой певучей стрелой,
И живой или мертвый, а был бы он мой!

[Лохвицкая]

Т. Л. Александрова отмечает, что стихи М. Лохвицкой «всегда производили впечатление произнесенных от первого лица» [Александрова]. В переводе стихотворения «Если б счастье мое было вольным орлом...» эта особенность поэтической манеры М. Лохвицкой сохраняется. Во вторичном тексте также не утратилась сослагательная форма изложения, система символов не выбилась из привычного круга ее образов. Таким образом, на ранних этапах своего творческого становления и развития, обращаясь к переводческой деятельности, Герд сохранял определенный баланс своего и чужого в создаваемом художественном тексте.

⁵ Подстрочный перевод: «Если счастье бедного народа / Было бы у орла <...> / Взяв ружье / Я пристрелил бы этого орла <...>».

После событий 1917 г., имея за плечами всего лишь учительскую семинарию, К. Герд получил возможность широко печататься в газетах, участвовать в культурно-просветительской работе среди населения, открывать школы и организовывать работу учителей, руководить художественной самодеятельностью. Его собственное становление и личностное самоосуществление были бы немислимы без тех возможностей, которые открывались ему в процессе приобщения к русской культуре, образованию, актуальному опыту революционной современности. Уже в 1919 г. он получает направление на курсы Наркомпроса и едет на четыре месяца в Москву, где он, набираясь знаний и умений, оказывается в поле симпатического влияния ведущих фигур времени: В. И. Ленина, которого он видел на митинге, А. В. Луначарского и Н. К. Крупской, чьи лекции он слушал непосредственно на курсах.

После поездки в Москву на повышение квалификации К. Герд становится заведующим агитационно-издательским отделом Удмуртского комиссариата при Народном комиссариате национальностей. Его литературно-организационная и собственная творческая деятельность набирает обороты. Так, он участвует в создании литературной студии, впоследствии ставшей перспективным литературным объединением при газете «Советская Удмуртия». Наряду со стихами Герд в это время пишет поэму «Война», создает несколько пьес, принимается за прозу (повесть «Матй») и выпускает популярные брошюры с биографиями предтеч и вождей революции. Его охватывает революционное воодушевление, события обнаруживают мировой размах и величие: «Вот мы встали во весь рост. Наши головы упираются в небо, наши глаза горят как солнце, мы пойдем в голубые дали сквозь огонь и высокие горы» [цит. по: Шкляев, 1985, с. 6–7].

Осваивая господствующую риторику и стилистику, он обращается к переводам революционных песен, гимнов и маршей с русского языка на удмуртский. Процесс этот был вполне закономерным в условиях приобщения нации к социально-политическим преобразованиям и осознания сути общественной борьбы того времени. Переводы Герда обогатили удмуртскую поэзию новым содержанием, ритмами и интонацией.

Произведение Кузубая Герда «Пыддэс, юлтош'ёс...» («В ногу, друзья»), например, является переложением на удмуртский язык песни Л. Радина «Смело, товарищи, в ногу», зазвучавшей еще в годы первой русской революции, но продолжающей привлекать внимание общественности. Герд отнесся к ней как к общему достоянию, поэтому, вероятно, не обозначил переводной характер текста. Он не стремится к соблюдению эквивалентности отдельных единиц, допускает некоторую вариативность, сокращает количество строк, но сохраняет общую смысловую направленность произведения, закрепленность высказывания за «мы-сознанием» и маршевую интонационно-ритмическую основу:

Пыддэс, юлтошг'ёс, ог кадь лёге	В ногу, друзья / товарищи, шагайте
Сюлэммес ваньмы юнматоме, –	Мы укрепим / упрочим наши сердца, –
Эркын, логыт дуннеамы	По нашей свободной / вольной, светлой земле
Нэнокинлэсь кышкатэк кошкоме ⁶ .	(миру, вселенной)
[Герд, 1922, с. 136]	Никого не страшась пойдем ⁷ .

Переложение стихотворения «Смело, друзья, не теряйте»⁸, получившее название «Кышкатэк, юн оскыса...» («Смело, уверенно...»), сохранило лейтмотив произведения, в котором звучит призыв лирического героя к борьбе за освобождение народа:

Кышкатэк, юн оскыса	Смело, друзья, не теряйте
Мынэ, эшг'ёс жугиськыны...	Бодрость в неравном бою...
[Герд, 1922, с. 130]	[Михайлов, с. 32]

Обе песни имеют куплетную композицию с припевом (рефреном), встроенным в каждую строфу, который несет в себе главную мысль и утверждает ее в тексте благодаря частому повторению. Оригинал и перевод данного произведения сближаются образными деталями и в этом смысле эквивалентны.

Перевод Кузема Гердом на удмуртский язык популярного революционного гимна «Варшавянка» является органичным продолжением творчества поэта в жанре литературной песни. Удмуртский вариант стихотворения автор назвал «Тэл периос», что буквально обозначает вихрь (смерч) или дух ветра. Кузема Герд приводит в сноске название оригинала — «Варшавянка» [Герд, 1922, с. 145]. Переводчик разбил песню Г. Кржижановского повторяющимися куплетами после каждого восьмистишия. Это не единственный пример, когда Кузема Герд осложняет подачу материала рефреном. Особое внимание автора к рефренной строфе можно объяснить его желанием выделить манеру своего письма, отличного от почерка автора оригинала, стремлением подчеркнуть новизну жанра литературной песни для удмуртской литературы.

Опробованный ранее на других текстах новаторский прием в области стиховой структуры, а именно — использование рефренной композиции строф, прослеживается и в переводном стихотворении Кузема Герда «Марсельеза». Вероятнее всего, переводчик опирался на русский текст П. Л. Лаврова «Рабочая Марсельеза». Перевод претерпел структурно-смысловые изменения в результате сокращения строф. Тем не менее, удмуртский писатель органично воплотил идею свободы. Революционные призывы в удмуртском тексте звучат так же убедительно, как и в оригинале.

⁶ Приводим строки оригинала: «Смело, товарищи, в ногу! / Духом окрепнем в борьбе, / В царство свободы дорогу / Грудью проложим себе» [Радин, с. 9].

⁷ Подстрочный перевод А. В. Камитовой.

⁸ Авторство данного текста и его версий приписывалось разным поэтам. Атрибуцию сочинения связывают с именем М. Л. Михайлова (1829–1865) — русского писателя, революционера [см.: СЭС, с. 823].

Кузубай Герд переводил не только мажорные марши. Его стихотворение «Ватон марш» («Похоронный марш») — это модифицированное переложение песни А. Архангельского «Вы жертвою пали». Переводчик опять-таки отказывается от копирования структурных особенностей оригинала, в результате чего исходный текст несколько изменился. Строфический текст из трех восьмистиший в переложении оформился в текст из пяти четверостиший. Вот пример переводческой трансформации:

Тй курбон луиды жугиськон понна
Вунэтонтэм яратон калыклы.
Тй сёйды солы вань луэмзэ
Солэн улэмезлы но эрикезлы⁹.

[Герд, 1922, с. 158]

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!
Порой изнывали по тюрьмам сырым,
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.

[Архангельский, с. 25]

Гердовские действия не нарушили сюжетного построения оригинала. Переводные строки передают драматизм революционной эпохи, который прослеживается и в тексте А. Архангельского. Вместе с тем, в финале удмуртского текста акцентировано внимание на социальной активности общества, действие которого приводит если не к оптимистическому финалу, то к оживлению борьбы:

Соос беры мынэ виль салдаг'ёс
Вормон понна кулыны потыса...¹⁰

[Герд, 1922, с. 158]

Настала пора, и проснулся народ,
Великий, могучий, свободный.

[Архангельский, с. 25]

Идеологически и художественно наиболее ему близкие произведения русских писателей были выбраны Кузубаем Гердом в качестве испытательной площадки. Возможно, именно работа над переводами с русского языка, выполненными в жанре торжественных песен, воодушевила Кузубая Герда на попытку создания авторского государственного гимна. Вариант национального гимна автор называет «Удмурт гимн» («Удмуртский гимн»). Произведение, отличающееся возвышенным тоном и торжественным содержанием, написано в рамках требований гимнического жанра:

Да здравствует нашей Республики свет,
Да будет земля наша цвeсть много лет!
Свободными стали леса и поля,
Взошло наше солнце, народ окрыля.

[Герд, 1985, с. 71]

⁹ Подстрочный перевод: «Вы жертвою стали в борьбе / За любимый незабываемый народ. / Вы отдали всё, что могли / За его жизнь и свободу».

¹⁰ Подстрочный перевод: «За ними идите, новые солдаты, / За победу погибнув (жизнь отдав)...».

Благодаря работе с текстами революционных песен К. Герд постигал основы профессионализма, развивал и обогащал поэтический язык. Выбор переводимых стихов определялся близостью к собственным стихам, совпадением своих переживаний с чувствами автора оригинала, стремлением к адаптации всенародно известных произведений к удмуртской культуре с учетом предпочтений исторического времени. Герд стремился вырваться за пределы своего родного языка, чтобы сформировать литературные традиции, расширить собственные творческие возможности и прийти к новым художественным результатам.

К имеющимся в наличии публикациям Герда в 1922 г. добавляется книга стихов «Гусляр» («Крезьчи»). Поэт поступает в это время в Высший литературно-художественный институт в Москве, руководимый В. Я. Брюсовым, уже знакомым Герду и чрезвычайно им ценимым (накануне поступления в институт Герд вступил с Брюсовым в переписку и просил его участия в переводе текстов восточно-финской поэзии). Герд прослушал курсы истории литературы, фольклора, русского языка таких преподавателей и замечательных ученых, как Я. О. Зунделович, В. Ф. Переверзев, Ю. М. Соколов, Г. А. Шенгели, М. А. Цявловский.

Учеба в Высшем литературно-художественном институте (1922–1925) была для поэта временем уплотненного и упорного постижения профессиональной культуры, освоения литературных навыков, началом творческого осмысления традиций и открытий мастеров — старших современников русской культуры¹¹. Непосредственными учителями по технике стиха были известные русские поэты Валерий Брюсов, Иван Рукавишников и Георгий Шенгели, под руководством которых осуществлялись литературные занятия в институте [см.: Герд, 1997, с. 288–289]. Профессор И. С. Рукавишников был единственным (не считая Ф. Сологуба) в истории русской литературы автором сборников триолетов («Триолеты любви и вечности», 1917 и «Триолеты», 1922) и непревзойденным мастером этой стихотворной формы. В. Брюсов считался, по определению М. Горького, «самым культурным писателем на Руси». Известно, что Брюсов был теоретиком версификации и практиком-импровизатором стиха, виртуозно владел стихотворными размерами, поэтическими жанрами, осуществлял многообразные стилистические опыты. В основанном им вузе он сам вел класс стиха. Из воспоминаний его учеников известно, что он вводил в учебный процесс анализ стихотворений А. С. Пушкина, давал задание сочинить стихотворение, подчиненное определенной ритмике и особенностям формы, или завершить начатое поэтическое произведение. В. Брюсов вовлекал своих слушателей в изучение современного литературного процесса, анализировал вместе с ними творчество К. Бальмонта, В. Хлебникова и других корифеев русской поэзии начала XX в. Для Серебряного века русской поэзии характерно необыкновенное обогащение

¹¹ Как свидетельствуют изыскания Ф. К. Ермакова, К. Герд на семинаре «Поэтический синтаксис» выступил с сообщением на тему «Толкование текста художественных произведений», в классе критики прочитал доклад о творчестве Анны Ахматовой, с живейшим участием работал в семинаре по творчеству А. С. Пушкина [Ермаков, с. 28].

звуковой организации стиха, расширение и углубление смысловых возможностей слова, искусство сочетать, а иногда сталкивать слова так, чтобы вместе они говорили больше, чем значения каждого из них, чтобы поэтическое целое позволяло несколько истолкований, возбуждало фантазию, эмоции читателя. Обучение на высоких образцах русской поэзии воспитывало в студентах эстетический вкус и влечение к новаторству, раскрепощало творческое воображение. Герд вслед за своими учителями обратился к разработке и внедрению «твердых поэтических форм» — сонета («Летний вечер», «Могила», «Осень»), триолета («Солнце воспевать», «Ветру Уйшора»), ронделя («Мы сеем...»)¹². Современные исследователи сходятся во мнении, что особенно заметное влияние на поэзию Герда оказали именно личность и творчество В. Я. Брюсова.

Духом смелого поиска пронизана и вся переводческая деятельность В. Брюсова. Признание Кузубай Герда в том, что «всех он изучил», видимо, позволяет говорить о его знакомстве не только с оригинальным творчеством своего учителя, но и с его упражнениями в переводе, его методом перевода, который изначально заключался «в выборе того элемента, который считаешь наиболее важным в переводимом произведении» [Зарубежная поэзия..., с. 783]. Многие автопереводы Кузубай Герда свидетельствуют о прилежном усвоении брюсовского метода поэтического переложения текста, но это не прямое подражание или копирование, а итог экспериментов, поисков собственного неповторимого художественного стиля и языка, ученичество в хорошем смысле этого слова, ибо до Герда никто еще не знакомил русского читателя с образцами удмуртской поэзии. Кроме того, Кузубай Герд не просто переводил, а создавал свои произведения дважды: сначала на удмуртском, затем на русском языке. Здесь мы сталкиваемся с явлением билингвизма, двумя вариантами работы на различных языках для разного уровня читательского восприятия. Главное — передать и сохранить в русской интерпретации органику, художественную доминанту оригинала даже в ущерб структуре произведения, что являлось характерным для переводческой лаборатории В. Брюсова (хотя позднее он стал приверженцем буквализма). Кузубай Герд был поклонником и учеником великого мастера, и, надо полагать, его серьезное увлечение переводами было вызвано не только целью ознакомить русскую читательскую аудиторию с удмуртской поэзией, но и во многом желанием попробовать себя в новом качестве, ибо в нем всегда скрывалась ищущая и одержимая творчеством натура.

По воспоминаниям студентов и выпускников института Б. И. Пуришева, Е. Б. Рафальской, А. Ф. Кулемкина, Д. С. Бабкина и др., в институте часто бывали, читали свои стихи и общались с учащимися В. Маяковский и С. Есенин, в воздухе носились новые веяния, сталкивались и спорили сторонники «Кузницы»,

¹² Ср. оценку доли классического начала в поэтическом творчестве Герда, данную в статье, посвященной анализу работы поэта над сонетной формой: «Освоив традиции и богатство русской и мировой литератур, он впервые ввел в удмуртскую литературу такие сложнейшие формы поэзии, как фигурные стихи, сонет, триолет, рондель, рондо, элегия, триптих, романс, ноктюри, λογαεδические стихи, и другие, оперировал различными стилистическими приемами, формами строфики, рифмовки» [Атнабаева, с. 34].

лефовцев, конструктивистов, крестьянских поэтов, училась молодая поросль комсомольских поэтов — М. Светлов, М. Голодный, Д. Алтаузен, Я. Шведов. Для Герда обучение в институте и жизнь в Москве способствовали приобщению к современной эстетике, выработке языка, адекватного запросам времени¹³. Он активно экспериментировал, используя звукографические возможности стиха. Например, использовал звукоподражания. Прежде всего, это было нужно при изображении производственных процессов, работы. Достоверность передачи впечатлений подчеркивается шумовыми эффектами косы, молота, завода, поезда, трактора, станка, выливающимися в единую мелодию и являющимися символическим кодом социалистического строительства:

Корка йылын,	На крыше,
Шунды улын:	Под солнцем:
– Ток-ток-чик!	– Ток-ток-чик!
– Ток-ток-чик!	– Ток-ток-чик! ¹⁴
(«Липегчиос»)	(«Кровельщики»)
[Герд, 1994, с. 198]	

Музыкой труда наполнено стихотворение «Ужлэн крезьгурез» («Мелодия труда»), в котором действительность передана перестуком станков и молотов на заводе и в кузнице, перегудом паровоза и трактора:

Заводын станокъёс	На заводе станки
Дыбырто: тук! ток! то!	Стучат: тук! ток! то!
Кебитын молотъёс	В кузнице молоты
Йыггето: ток! тук! то!	Стучат: ток! тук! то!
Паровоз гурт съёртй	Паровоз за деревней
Кесяське: у-ту-тй-и-и!	Кричит: у-ту-тй-и-и! ¹⁵
(«Ужлэн крезьгурез»)	(«Мелодия труда»)
[Там же, с. 189]	

В своеобразном переплетении мелодий гласных и согласных создается сложная симфония звуков жизни. Но и при воспроизведении образов природы поэт нередко использовал звукопись и звукоподражание («Поле», «Летний вечер», «Липа»).

Герд экспериментировал с синтаксической стороной и графикой текста: создавал стихотворения в прозе («Революция»), писал верлибром («Батрак»), использовал необычное расположение строк, рваный ритм. Все это визуализировало стих в духе авангардных исканий русских футуристов В. Маяковского, В. Каменского, А. Крученых. Так, он создавал рисуночные стихи, в которых

¹³ О том, насколько был внимателен Кузубай Герд к современной столичной (а значит, русской) литературе, свидетельствует его статья 1927 г. «Литературная жизнь столицы (Письмо из Москвы)», в которой он обстоятельно, с фактами и конкретными примерами характеризует текущее состояние литературного процесса [см.: Герд, 2004, с. 186–188].

¹⁴ Подстрочный перевод А. В. Камитовой.

¹⁵ Подстрочный перевод А. В. Камитовой.

текст получал двойную кодировку, вербальную и визуальную («Аэроплан», «Свинья»), переворачивал лесенку В. Маяковского таким образом, что строки читались снизу вверх и др.

Особенно заметно влияние на творчество К. Герда поэзии Сергея Есенина¹⁶. Природа ценна для обоих поэтов не в силу экзотичности и уникальности, а, напротив, в силу извечной сращенности с каждодневной жизнью, работой, людскими взаимоотношениями и чувствами, благодаря чему она обретает человеческое измерение, выявляет и оттеняет авторские переживания. В лирике Герда отражены и преломлены многие есенинские мотивы и образы: щемящее чувство любви и привязанности к малой своей родине (ср.: «Но более всего / Любовь к родному краю / Меня томила, / Мучила и жгла» [Есенин, т. 2, с. 119]; «Край ты мой заброшенный, / Край ты мой, пустырь» [Есенин, т. 1, с. 70] и «Край ты мой родимый, Край ты мой родной!» [Герд, 1989, с. 111]); мотив бродяжничества («Устал я жить в родном краю / В тоске по гречневым просторам. / Покину хижину мою, / Уйду бродягою и вором» [Есенин, т. 1, с. 129]; «Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь. / В три звезды березняк над прудом / Теплит матери старой грусть» [Там же, с. 131] и «Скоро, край любимый, / Распрощусь с тобой! / С песенной отвагой / По чужим полям / Я пойду бродягой / К голубым краям» [Герд, 1989, с. 111]), противопоставление своей родины другим краям, утверждение ее превосходства и красоты («Потому что я с севера, что ли, / Что луна там огромней в сто раз, / Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязанских раздолий» [Есенин, т. 1, с. 224] и «Наше поле не хуже моря, / И красивей его во сто раз, / Где колосья, с ветрами споря, / Гнутя, бьются с зари до утра!» [Герд, 1989, с. 116]), повторы, отрицательные конструкции («Никогда я не был на Босфоре, / Ты меня не спрашивай о нем» [Есенин, т. 1, с. 226] и «Я ни разу не видел море, / Я ни разу не видел юг» [Герд, 1989, с. 116]), природные образы — стога, березы, цветы, черемуха («Счастлив, кто в радости убогой, / Живя без друга и врага, / Пройдет проселочной дорогой, / Молясь на копны и стога» [Есенин, т. 1, с. 57] и «Буду помнить Позимь, / Мягкие луга, / Лес, березки, озимь, / На лугах — стога» [Герд, 1989, с. 111]). Революция и многие явления жизни 1920-х гг. увидены К. Гердом сходным с С. Есениным образом.

На протяжении обучения в институте и позже К. Герд постоянно обращается к темам и проблематике поэзии того времени. Он создает цикл произведений о Ленине («Все пять ночей», 1924; поэма «Ленин», 1925; стихотворение «Ленин», 1930), в котором утверждается распространенная тогда идея о неуничтожимости и вечности ленинских теорий и деяний, осмысливается тема труда и социалистического созидания («Завод», 1921; «Труд», 1924; «Трактор», 1927; «Косари», «Молотьба», «Кровельщики», «Бригадиры», 1930; «Трудиться!», «Мелодии труда», 1931); пишет стихи агитационно-просветительского типа. Все это идет в русле общероссийских тенденций.

¹⁶О воздействии лирики Есенина на творчество К. Герда существует несколько специальных работ [см.: Витрук, 2002; 2005, с. 12–34; Зуева-Измайлова; Рудина].

В середине 1920-х гг. К. Герд создает ряд сатирических произведений, среди которых выделяются басенно-аллегорические «Лестница» («Пагза»), «Воз», «Свинья» («Парсь»), «Собаки». В них поэт борется с неприемлемыми общественными явлениями, вскрывая их внутреннюю несостоятельность путем осмеяния. Он использует иронию, доходящую до сарказма, высмеивая гражданское равнодушие, нежелание слаженно действовать в интересах развития культуры своего народа, пустую заносчивость и самомнение людей, добившихся власти. Герд как общественный деятель переживал в это время нелегкие времена непонимания, пытаясь отстоять широкую автономию вотяков. Он ратовал за максимальную свободу, за Республику с большой буквы, ему нравилось называть свой край Вотляндией. Его романтические порывы натолкнулись на глухое недоверие и отторжение со стороны административных инстанций. Начались обвинения в национализме, отступлении от социалистических идеалов, буржуазности. Осознав, что прямая публицистическая полемика, открытое выражение собственной позиции относительно сложнейших вопросов современной социально-политической жизни невозможны, Герд приходит к необходимости использования ресурса иносказательности. Социальное зло разоблачается им в басенной и одновременно памфлетно хлесткой форме. Это позволило показать недостатки укрупненно и убедительно достоверно. Достичь высот образных обобщений помогла опора на русскую басенную традицию — творчество А. Измайлова, И. Крылова, А. Луначарского. Специальное исследование А. Г. Шкляева «Русские источники сатирической поэзии Кузубая Герда» [Шкляев, 1993] наглядно демонстрирует широкий диапазон способов использования Гердом текстов русских авторов — от максимально близкого подстрочника до различных трансформаций, расширений, использования в качестве конкретизаторов удмуртских реалий в рамках свободного литературного перевода.

Таким образом, русская поэзия играла важную роль в формировании, становлении и развитии творческого дарования Кузубая Герда. Ориентация на лучшие литературные образцы¹⁷ помогла Герду реализовать свой талант, используя креативные импульсы русских литературных источников.

Александрова Т. Л. Художественный мир М. Лохвицкой : дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/300663/> (дата обращения: 28.05.2015).

Арекеева С. Т. Творческая индивидуальность Александра Эрика // Вестн. Удмурт. ун-та. 2007. Вып. 5 (1). С. 79–88.

Архангельский В. Вы жертвою пали // Лейся, песня, на просторе : сб. песен / ред. П. Сырыщева, Г. Юнисова. М. : Молодая гвардия, 1954. С. 25.

Атнабаева Н. А. Кузубай Герд — основоположник сонетной традиции в удмуртской поэзии // Вордскем кыл = Родное слово. 2007. № 7. С. 50–53.

¹⁷ Вполне логично, что Герд рекомендовал и своим коллегам-сородичам (например, А. Н. Эрику) учиться литературному мастерству у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Горького [см.: Арекеева, 2007, с. 79].

Богомолова З. А. «Если б счастье мое было вольным орлом...». Герд и символизм. Постановка проблемы // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / сост. и лит. обработка З. А. Богомолова, ред. С. В. Насретдинова. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. С. 328–388.

Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Сб. Отд-ния рус. яз. и лит. Имп. акад. наук. Вып. 5. Ч. 11–17. С.-Пб. : Тип. Имп. акад. наук, 1889.

Витрук Н. В. Сергей Есенин и Кузубай Герд // Витрук Н. В. Сергей Есенин и удмуртская поэзия. М. : Центр гуманитар. наук при фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. С. 7–24.

Витрук Н. В. Сергей Есенин в контексте удмуртской поэзии и искусства: удмуртская есениана. Ижевск : Удмуртия, 2005.

Герд К. Крезьчи («Гусяр») — сборник стихотворений на вотяцком языке). 1 кн. Ижевск : Изд. Обл. Управления Госиздата Вотской Автономной Области, 1922. (на удм. яз.).

Герд К. Ступени : стихотворения и поэмы. М. : Современник, 1985.

Герд К. «В полете к солнцу...»: стихи и поэмы. Ижевск : Удмуртия, 1989.

Герд К. Та кырзанъёсы-турагайёсы: Люкам кылбуръёс, поэмаос. Ижевск : Удмуртия, 1994. (на удм. яз.).

Герд К. О ней я песнь пою... : стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск : Удмуртия, 1997.

Герд К. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 : Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма. Ижевск : Удмуртия, 2004.

Горький М. Легенда о Марко // Горький М. Полн. собр. соч. : в 25 т. Т. 6. М. : Наука, 1970. С. 290–291.

Ермаков Ф. К. Удмуртский поэт и ученый : очерк. Ижевск : Удмуртия, 1988.

Есенин С. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Правда, 1970.

Зарубежная поэзия в переводах В. Брюсова : сб. / сост., коммент. С. И. Гиндина. М. : Радуга, 1994.

Зуева-Измайлова А. С. Традиции С. Есенина в удмуртской поэзии // Есенин С. А. Избранные произведения = Бьръем произведениос. Ижевск : Удмуртия, 2002. С. 333–342.

Лилина З. Асьмелэн Ленин дышетисьмы: пинальёслы веран / берыктгиз Вильмон. М. : Центриздат, 1927. (на удм. яз.).

Лохвицкая М. Если б счастье мое было вольным орлом [Электронный ресурс]. URL: <http://giproem.ru/lohvickaaya/esli-b-schaste.aspx> (дата обращения: 20.10.2015).

Михайлов М. Смело, друзья... // Лейся, песня, на просторе : сб. песен / ред. П. Сырыщева, Г. Юнисова. М. : Молодая гвардия, 1954. С. 32–33.

Отчеты и документы К. Герда (Чайникова К. П.) // Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Оп. 1. Н. Д. № 797. С. 7.

Радин Л. Смело, товарищи, в ногу!.. // Лейся, песня, на просторе : сб. песен / ред. П. Сырыщева, Г. Юнисова. М. : Молодая гвардия, 1954. С. 9.

Рудина Л. Н. С. Есенин и К. Герд — сыны противоречивого времени // Вордскем кыл = Родное слово. 2005. № 4. С. 28–31.

СЭС — Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М. : Советская энциклопедия, 1981.

Чулков В. И. Лирическая система К. Герда // Кузубай Герд и удмуртская культура : сб. ст. / отв. ред. А. Г. Шкляев. Ижевск : УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 122–125.

Шкляев А. Кузубай Герд (К. П. Чайников) (1898–1937) // Герд К. Ступени. М. : Современник, 1985. С. 3–20.

Шкляев А. Г. Русские источники сатирической поэзии Кузубая Герда // Вестн. Удмурт. ун-та. 1993. № 6. С. 65–70.

Статья поступила в редакцию 02.10.2015 г.

Васильев Игорь Евгеньевич

доктор филологических наук,
 профессор кафедры русской
 литературы XX и XXI вв.
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
 ведущий научный сотрудник
 сектора истории литературы,
 Институт истории и археологии
 УрО РАН
 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалев-
 ской, 16
 E-mail: bazilio@k66.ru

Камитова Алевтина Васильевна

кандидат филологических наук,
 научный сотрудник отдела
 филологических исследований
 Удмуртский институт истории, языка
 и литературы УрО РАН
 426004, Удмуртия, Ижевск,
 ул. Ломоносова, 4
 E-mail: akamitova@mail.ru

Vasiliev, Igor Yevgenjevich

Dr. hab. (Philology), Professor, Chair
 of 20th and 21st Centuries Russian Literature,
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
 leading research fellow,
 History of Literature Sector
 Institute of History and Archaeology
 of the Ural Branch of RAS
 16, Kovalevskaya Str., 620990 Yekaterin-
 burg, Russia
 E-mail: bazilio@k66.ru

Kamitova, Alevtina Vasilievna

PhD (Philology), Research Fellow,
 Department of Philological Research,
 Udmurt Institute of History, Language
 and Literature of Ural Branch of RAS
 4, Lomonosov Str., 426004 Izhevsk,
 Udmurtia, Russia
 E-mail: akamitova@mail.ru

AT THE CROSSROADS OF TRADITIONS (KUZEBAY GERD AND RUSSIAN POETRY)

The article discusses the impact of Russian poetry on the creative work of Kuzebay Gerd. The authors reveal the poets whose works this Udmurt writer relied on (from Pushkin and Izmaylov to Bryusov, Mayakovski and Yesenin), demonstrating their role in the establishment and formation of his creative individuality, and considering reasons for Kuzebay Gerd's turning to Russian texts, as well as his translation activity. The influence of Russian literary sources on Kuzebay Gerd's work was limited and was a natural means for him to learn about the developing forms of cultural creative activity. Additionally, the authors of the article describe Kuzebay Gerd's creativity as a translator and emphasize his artistic freedom that led to a transformation of original texts. His exploration of the Russian literary heritage was adjusted to the Udmurt writer's creative biography. In his younger years, his romanticism was akin to that characteristic of the works of Gorky and Mirra Lokhvitskaya, and the early 1920s revolutionary songs and marches. Owing to his work on revolutionary texts, Gerd studied the basic professional skills, and developed his poetic language. His work on the social and political issues led to his exploration of the creative work of the most prominent Soviet poets. He studied at the Higher Institute of Literature and Art and lived in Moscow, which helped him get acquainted with the aesthetics of the time, and acquire a style that complied with the needs of the epoch. Kuzebay Gerd was able to attain impressive results in his creative activity thanks to his susceptibility to various influences along with his reliance on important models and stimulating cultural traditions.

K e y w o r d s: tradition; influence; Russian poetry; Udmurt literature; translation.

Acknowledgements

The article is supported by the collaborative project of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences “The Formation of the National Artistic Systems of Perm Literatures in the Social Landscape of Russia in the Late 19th – 1st Half of the 20th Centuries”.

Aleksandrova, T. L. (2004). *Hudozhestvennyj mir M. Lohvickoj* [M. Lohvitskaya Artistic World] (Doctoral dissertation). M.: MGU. Retrieved from <http://www.twirpx.com/file/300663/>. (In Russian)

Arekeeva, S. T. (2007). Tvorcheskaia individual'nost' Aleksandra Erica [Creative Individuality of Alexander Eric]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 5 (1), 79–88. (In Russian)

Arhangel'skij, V. (1954). Vy zhertvoju pali [You Fell Victim]. In P. Syryscheva, & G. Yunisova (Eds.), *Lejsja, pesnja, na prostore. Sbornik pesen [Flow, Song, in the Open. A Collection of Songs]* (p. 25). Moscow: Young guard. (In Russian)

Atnabaeva, N. A. (2007). Kuzebaj Gerd – osnovopolozhnik sonetnoj tradicii v udmurtskoj poezii [Kuzebay Gerd – Founder of the Sonnet Tradition in Udmurt Poetry]. *Vordskem kyl*, 7, 50–53. (In Russian)

Bogomolova, Z. A. (1998). «Eсли b schast'e moe bylo vol'nym orlom...». Gerd i simbolizm. Postanovka problemy [“If My Happiness Were a Free Eagle...”. Gerd and Symbolism. Problem Statement]. In Z. A. Bogomolova (Comp. and literary treatment), & S. V. Nasretdinova (Ed.), *Kak molnija v nochi... K. Gerd. Zhizn'. Tvorchestvo. Epoha* [As a Lightning in the Night... K. Gerd. Life. Creativity. Epoch] (pp. 328–388). Izhevsk: Publishing house of the Udmurt State University. (In Russian)

Chul'kov, V. I. (1990). Liricheskaja sistema K. Gerda [K. Gerd's Lyrical System]. In A. G. Shklyayev (Ed.), *Kuzebaj Gerd i udmurtskaja kul'tura* [Kuzebay Gerd and Udmurt Culture] (pp. 122–125). Izhevsk: The Urals branch of the USSR Academy of Sciences UII. (In Russian)

Ermakov, F. K. (1988). *Udmurtskij pojet i uchenyj: Oчерк* [Udmurt Poet and Scholar: An Essay]. Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Gerd, K. (1922). *Krez'chi («Gusljar» – sbornik stihotvorenij na votjackom jazyke)* [The Gusli Player – A Collection of Poems in the Votyak Language] (Book 1). Izhevsk: Publishing of Regional Department of The State Publishing House Votyak Autonomous Oblast. (In Udmurt)

Gerd, K. (1985). *Stupeni: Stihotvorenija i pojemy* [Steps: Verses and Poems]. Moscow: Contemporary. (In Russian)

Gerd, K. (1989). «Vpolete k solncu...»: *Stihi i pojemy* [“Flying towards the Sun...”: Poems]. Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Gerd, K. (1994). *Ta kyrdzanjiosy-turagajiosy: Ljukam kylburjos, pojemaos* [These Verses: A Typical Early Riser: Poems]. Izhevsk: Udmurtia. (In Udmurt)

Gerd, K. (2004). *Sobranije sochinenij* [Collected Works] (Vols. 1–6) (Vol. 4 : Stihotvorenija, pojemy, perevody, stat'i, nauchnye raboty, pis'ma [Verses, Poems, Translations, Articles, Scholarly Works, Letters]). Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Gindina, S. I. (Comp. of comments) (1994). *Zarubezhnaja poezija v perevodah V. Brjusova* [Foreign Poetry Translated by V. Bryusov]. Moscow: Raduga. (In Russian)

Gorky M. (1970). *Legenda o Marko* [The Legend of Marco] In M. Gorky, *Polnoje sobranije sochinenij* [Complete Works] (Vols. 1–25). (Vol. 6, pp. 290–291). Moscow: Nauka. (In Russian)

Lilina, Z. (1927). *As'meljen Lenin dyshetüs'my: pinaljosly veran* [Our Teacher Lenin: A Children's Story] (Willmon, Trans.). Moscow: Centrizdat. (In Udmurt)

Lohvickaja, M. (n. d.). *Eсли b schast'e moe bylo vol'nym orlom* [If My Happiness Were a Free Eagle]. Retrieved from <http://rupoem.ru/loxvickaya/esli-b-schaste.aspx>. (In Russian)

Mihajlov, M. (1954). *Smelo, druž'ja...* [Bravely, Friends...]. In P. Syryscheva, & G. Yunisova (Eds.), *Lejsja, pesnja, na prostore. Sbornik pesen [Flow, Song, in the Open. A Collection of Songs]* (pp. 32–33). Moscow: Young guard. (In Russian)

Prokhorov, A. M. (Ed.). (1981). *Sovetskij enciklopedicheskij slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian)

Radin, L. (1954). *Smelo, tovarishhi, v nogu!..* [Boldly, Comrades, Keep in Step!] In P. Syrysheva, & G. Yunisova (Eds.), *Lejsja, pesnja, na prostore. Sbornik pesen* [Flow, Song, in the Open. A Collection of Songs] (p. 9). Moscow: Young guard. (In Russian)

Rudina, L. N. (2005). S. Esenin i K. Gerd – syny protivorechivogo vremeni [S. Esenin and K. Gerd – Sons of a Conflicting Time]. *Native language*, 4, 28–31. (In Russian)

Shklyayev, A. (1985). *Kuzebaj Gerd (K. P. Chajnikov) (1898–1937)* [Kuzebay Gerd (K. P. Chajnikov)]. In K. Gerd, *Stupeni* [Steps] (pp. 3–20). Moscow: Sovremennik. (In Russian)

Shklyayev, A. G. (1993). Russkije istochniki satiricheskoj poezii Kuzebaja Gerda [Russian Sources of Kuzebay Gerd's Satirical Poetry]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 6, 65–70.

Veselovskij, A. N. (1889). Razyskanija v oblasti russkogo duhovnogo stiha. *Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i literatury Imperatorskoj Akademii Nauk* [Investigations in the Field of Russian Spiritual Verse. The Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Issue 5. Pt. 11–17. Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences. (In Russian)

Vitruk, N. V. (2002). *Sergej Esenin i Kuzebaj Gerd* [Sergei Yesenin and Kuzebay Gerd]. In N. V. Vitruk, *Sergej Esenin i udmurtskaja poezija* [Sergei Yesenin and Udmurt poetry] (pp. 7–24). Moscow: Center for the Humanities at the Faculty of Journalism of Moscow State University. (In Russian)

Vitruk, N. V. (2005). *Sergej Esenin v kontekste udmurtskoj poezii i iskusstva: udmurtskaja eseniniana* [Sergei Yesenin in the Context of Udmurt Poetry and Art: Yesenin's Creative Work and Its Impact on Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Yesenin, S. (1970). *Sobranije sochinenij* [Collected Works] (Vols. 1–3). Moscow: Pravda. (In Russian)

Zueva-Izmajlova, A. S. (2002). Tradicii S. Esenina v udmurtskoj poezii [The Tradition of S. Esenin in Udmurt Poetry]. In S. A. Esenin, *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works] (pp. 333–342). Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Received 2 October 2015